

Паліталогія

Гісторыя палітычнай думкі

УДК 321.17

С. Б. Лугвін, А. Ю. Савенко

ВЛАСТНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

Объект исследования – социально-политическая система европейского средневекового общества и процессы ее разложения в период формирования наций-государств. Целью работы является анализ институционального генезиса европейского чиновничества в контексте существования и упадка властно-административной организации средневекового общества. В отечественной литературе данная проблема еще не получила удовлетворительного решения. В основной части статьи рассмотрены следующие черты европейского средневекового общества: господство сакрализованной традиции, локальная разобщенность социальных отношений, преобладание корпоративных и других взаимосвязей. Данные черты во многом определяют особенности его властно-административной организации: крайняя степень децентрализации политической власти, соединение земельной собственности и власти, договорной характер вассально-сеньориальных отношений. В работе рассмотрены также некоторые передовые образцы средневековой административной практики: использование клириков в сфере управления, система организации власти и управления в Римско-католической церкви, а также в Византийской империи. Далее в статье охарактеризована ситуация упадка традиционалистских порядков, проявляющаяся в кризисе вассально-сеньориальной системы управления, возникновении товарного производства и появлении наций-государств. Значительное внимание уделено анализу процессов зарождения европейского чиновничества. Отмечены такие его черты, как отсутствие специальной подготовки, неопределенность полномочий, зависимость от монарха, преобладание личного усмотрения в управлении. В работе изложено, что позитивное влияние на деятельность чиновничества оказала рецепция римского права. Оно способствовало утверждению в сфере управления начал безличности и формальной рациональности. В заключении статьи сделан вывод, что в период разложения европейского традиционализма появляется ряд предпосылок (зарождение рыночной экономики, кризис вассально-сеньориальной системы управления, образование наций-государств, рецепция римского права, расширение практики найма чиновников и др.), которые благоприятствовали утверждению постоянного чиновничества, тяготеющего к модели «рациональной бюрократии» М. Вебера. Статья может быть полезна научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам.

Ключевые слова: средневековое общество, вассальные отношения, клирики, нации-государства, патримонильная бюрократия, римское право.

Целью работы является рассмотрение институционального генезиса европейской государственной бюрократии в контексте существования и упадка властно-административной организации средневекового общества. В отечественной литературе данная проблема еще не получила удовлетворительного решения. В разные периоды времени ее так или иначе пытались изучать как зарубежные (Ж. Ле Гофф, Ж. Кринен, М. Вебер, Ф. Отран, Д. М. Тревельян,

Лугвин Сергей Борисович, канд. филос. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин ГГТУ им. П. О. Сухого (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь; e-mail: lugvinsergey@rambler.ru

Савенко Александр Юрьевич, канд. филос. наук, доц., доц. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин ГГТУ им. П. О. Сухого (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель, Беларусь; e-mail: savenko@gstu.by

Дж. Г. Берман, Т. Парсонс и др.), так и российские (А. Я. Гуревич, П. Н. Ардашев, Г. П. Гусарова, Н. И. Басовский, А. И. Патрушев и др.) ученые. Однако их научный интерес обычно фокусировался либо на широком описании исторических событий, либо на анализе эпохальных политических процессов, либо на рассмотрении эволюции политико-правовых режимов отдельных стран. Достаточно обстоятельный анализ проблемы, вынесенной в качестве цели данной работы, вовсе не входил в их планы. Между тем ее исследование в настоящее время достаточно актуально для научной общественности и особенно ученых тех стран, которые считают европейскую бюрократию образцом для своего подражания. Данная статья в определенной степени компенсирует имеющийся пробел.

С разрушением античной цивилизации в Европе утвердилось традиционное общество, характеризующееся консервативной устойчивостью и циклическим характером развития. Сакрализованная традиция пронизывала и определяла жизнь каждого человека и жизнедеятельность всего общества. Считалось, что существующий порядок установлен богом, а потому неизменен. «Средневековый человек, — пишет Ж. Ле Гофф, — интересовался не тем, что движется, а тем, что неподвижно. Он искал покой — *quies*. Напротив, все то, что беспокойно, «искательно», казалось ему суетным... и немного дьявольским» [1, с. 190]. Подобный подход утверждал архаизм и рутину во всех областях общественной жизни. Любое нововведение казалось чудовищным грехом, ставившим под сомнение издавна установленный порядок. Все следовало делать так, как это делалось в прошлом.

В период Средневековья на месте единой и универсальной древнеримской цивилизации утвердился партикуляристский фрагментарный мир, который имел тенденцию распадаться на все более мелкие, обладающие почти полной самостоятельностью атомы. Это были не отдельные лица, а коллективы людей: родственные союзы, общины, городские коммуны, профессиональные корпорации, различные региональные и местные образования. В рамках локально разобщенной социальной структуры отношения между людьми выстраивались на основе непосредственно личных и корпоративных взаимосвязей. Каждый человек должен был включаться в ту или иную сеть зависимостей, в рамках которой он являлся не автономным и самостоятельным субъектом, а неотделимой ее частью.

Базовой ячейкой общества являлась большая патриархальная семья, в которой ее глава единолично руководил всей хозяйственной деятельностью, распоряжался семейным имуществом и, в случае необходимости, наказывал или поощрял своих домочадцев: жену, детей, родственников, слуг, рабов и др. Патерналистские отношения, генетически выросшие из семейных, пронизывали всю общественную иерархию и определяли особенности социальной организации на всех ее уровнях. «Поскольку индивид, по существу, еще не выделился из органической наследственной группы, круга родства, большой семьи, патримонии, — отмечает А. Я. Гуревич, — постольку происхождение детерминировало весь его образ жизни. Понятия «родовитость», «благородство», «чувство рода» было неотъемлемой и существенной стороной его самосознания» [2, с. 331].

Общество, выстроенное на основе личных и корпоративных взаимосвязей, неизменно дополнялось отношениями силы, которые перерабатывались в различные формы социального порядка. Однако такой порядок всегда предполагал неравное право, «право сильного», при котором отсутствовали единые для всех правила и нормы. В подобных условиях в административно-политической структуре общества преобладали достаточно неопределенные иерархические отношения, базирующиеся на неравенстве взаимных обязательств, вассальном подчинении, покровительстве и служении. Каждому человеку раз и навсегда были предписаны определенное место, социальная позиция и роль. «Личность, — по словам Э. Фромма, — отождествлялась с ее ролью в обществе: это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору занимается тем или иным делом» [3, с. 45]. Поведение человека всецело зависело от его принадлежности к той или иной социальной ячейке и жестко регламентировалось традиционалистскими правилами, которые он не смел преступать.

Как полагал Т. Парсонс, самой насущной проблемой в период Средневековья являлось обеспечение простой физической безопасности, что было связано с общим беспорядком,

порожденным варварскими нашествиями и непрерывной феодальной междоусобицей. В этих условиях военная функция получила преимущественное развитие, а военные средства противостояния насилию стали основой всеобщей безопасности, что привело к значительному повышению военного сословия [4, с. 55]. А потому не случайно, что в средневековой Европе служба монарху рассматривалась почти исключительно как военная служба, которая закреплялась за привилегированной знатью – аристократией и дворянством. На протяжении столетий они существовали как чисто военные сословия. Гражданская же служба по своей значимости и престижу во многом уступала службе военной и рассматривалась лишь как ее дополнение и продолжение.

Источником политической власти в средневековом обществе являлась личная харизма короля-вождя, которая основывалась на его воинской доблести и победах, а также подкреплялась раздачей добычи и щедрыми земельными пожертвованиями. Война была единственно нормальным способом поддержания устойчивости королевской власти и обеспечения лояльности ее войска. К мирным же условиям она была приспособлена плохо: обеспечить управление и стабильный порядок на контролируемой ею территории она оказывалась не в состоянии. Территории, подвластные монархам, управлялись не послушной им бюрократией, а вассалами, которые в качестве вознаграждения за службу получали землю на правах бенефиция, т.е. пожизненного условного держания. Способ управления пожалованной им территорией они определяли вполне самостоятельно. Такие должностные лица – будущие феодалы – самостоятельно определяли количество взимаемых с населения поборов, направляя определенную их часть, чаще всего строго фиксированную сумму, своему господину. Их административные функции были органично связаны с военными, финансовыми, судебными и полицейскими обязанностями. В качестве помощников они использовали своих родственников, близких друзей, слуг или иных зависимых людей. Все издержки по управлению они оплачивали из собственных средств. Обладая широкой автономией в сфере управления, они были почти независимы от монарха. По словам М. Вебера, «положение должностного лица в феодальную эпоху было весьма схоже с положением рыцаря. Он также являлся вассалом, облеченным высокой административной и политической властью» [5, с. 48].

Отношения между монархом и его должностными лицами обычно оформлялись специальными договорами и клятвами верности. Так, например, основатель Франкского государства Карл Великий обязал каждого свободного мужчину искать для себя сеньора, под покровительством которого он должен был постоянно находиться. Как отмечается историками, император Карл стремился к тому, чтобы весь правящий слой был пронизан вассальными отношениями, основанными на личной верности и преданности. Именно так, по его мнению, можно было обеспечить единство и стабильность огромной империи [6, с. 121]. Данное намерение императора вполне соответствовало древней германской традиции. Американский профессор В. Вильсон, ставший в дальнейшем президентом США, обратил внимание на сугубо личный характер служебных отношений германцев. Он, в частности, отмечал, что персонифицированная связь военачальников со своими подчиненными обычно не прекращалась и после окончания войны. «Лучшие и наиболее храбрые оставались членами *Comitatus* своих начальников, т.е. связанными с ними не по приказу, но вследствие личного господства над ними начальников. Каждый объявлял себя членом дома начальника, надеялся во всем на его щедроты и вступал в его свиту так, как не стал бы делать ни один римлянин, разве какой-нибудь униженный клиент» [7, с. 146].

К числу важнейших черт властно-административной организации феодального общества, которое окончательно утвердилось в Европе к началу IX в., следует отнести, во-первых, крайнюю степень децентрализации политической власти, при которой каждый отдельно взятый феодал являлся чуть ли не самостоятельным государством, а его держатель – рыцарь-феодал имел практически неограниченную власть на своей территории. Действительные пределы его суверенитета определялись реальной способностью центральной власти обеспечивать повиновение удельных правителей.

Во-вторых, соединение земельной собственности и политической власти. Земельная собственность порождала политическую власть, формировала пиетет и отношения личной зависимости. Монарх как высший собственник земли, сохраняя за собой небольшой *домен*, обычно передавал остальную ее часть в «держанье» своим вассалам – крупным феодалам. Те, в свою очередь, также оставляя себе *домен*, передавали оставшуюся часть земли своим зависимым людям – феодалам более низкого ранга, которые также могли иметь своих вассалов. Так складывалась цепь властной иерархии и вассальной зависимости. Характеризуя властную организацию феодального общества, П. Н. Ардашев писал: «Понятие о государственной власти как власти особого рода, не имеющей ничего общего с владением землей и вообще независимой от каких бы то ни было частноправовых отношений, было совершенно чуждо феодальной эпохе. В феодальном строе, собственно говоря, даже и государства-то нет, а есть лишь некоторая система сеньорий; в нем нет государей в собственном смысле слова, а есть лишь сеньоры, то есть землевладельцы-помещики, в руках которых с владением землей соединена известная власть над живущим на ней населением» [8, с. 3].

В-третьих, договорной характер вассально-сеньориальных отношений. Договор заключался в форме присяги на личную верность между сеньором и вассалом. Он фиксировал взаимные права и обязанности сторон как самостоятельных, хотя и неравных по силе агентов. Держание земли порождало обязанность военной службы сеньору. Кроме того, вассал должен был выплачивать своему господину «пособия», участвовать в заседаниях курии (совета), а также выполнять другие обязанности, предусмотренные договором. Сеньор же принимал на себя обязательство покровительствовать своему вассалу, а в случае нападения на него оказывать военную помощь, выкупать из плена и т.п. Если же вассал не выполнял принятых обязательств, сеньор отказывал ему в своей поддержке и мог применить по отношению к нему военную силу. Каждый вассал подчинялся лишь тому сеньору, от которого он получил землю. Действовал принцип: «вассал моего вассала – не мой вассал». Подобную организацию властно-административных отношений М. Вебер именовал сословно-патримониальным типом господства. По мнению В. Н. Ватыля, вассальные феодальные отношения со временем стали перерастать в гражданские отношения, в результате чего утвердился новый политический баланс: «благодаря своей принадлежности к государству, граждане пользуются определенными правами и несут ответственность перед органами государственной власти, а последняя обеспечивает защиту их прав и интересов» [9, с. 57].

Суглублением феодальной раздробленности и ослаблением центральной власти держание земли утратило свой условный характер, в результате чего бывшие должностные лица короля превратились не только в собственников полученной земли, но и в собственников занимаемых ими должностей. По словам М. Вебера, с получением должности человек приобретал и право на нее. Он владел средствами управления, подобно тому, как ремесленник владел средствами производства [10, с. 70]. Со временем большая часть королевских должностей утратила свое первоначальное назначение и превратилась в почетные титулы их носителей: герцог, граф, барон и др.

Усиливающаяся тенденция апроприации должностей феодальной знатью стала одной из важных причин привлечения на королевскую службу священнослужителей (клириков), которые, будучи духовными лицами, нередко занимали значимые должности в сфере управления. По мнению А. Тойнби, широко употребляемый в наше время термин «клерк» этимологически происходит из слова «клирик», обозначающее лицо, целиком посвятившее себя церковной службе [11, с. 530]. Использование клириков в управленческой деятельности, по мнению М. Вебера, во многом было связано с тем, что «клирик, в особенности клирик, соблюдающий целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был «отделен» от средств предприятия государева управления своими сословными

качествами» [12, с. 662, 663]. Другая важная причина использования клириков в управлении была связана с тотальной неграмотностью населения, в том числе феодалов. М. Блок по этому поводу заметил, что многие феодалы были настолько неграмотными, что «в монастырях, куда некоторые из них уходили на склоне лет, считались синонимами слова *conversus*, т.е. поздно принявший постриг, и *idiotia*, обозначающее монаха, не умеющего читать священное писание» [13, с. 143]. В отличие от большинства феодалов клирики были не только хорошо образованы, но и знали латинский язык, на котором в то время излагались правовые нормы и велось делопроизводство. Отсюда не случайно, что, например, во Франции во второй половине XIII в. именно клирики возглавляли королевскую канцелярию. Аналогичная ситуация сложилась и в Англии. Здесь клирики владели землей на тех же условиях, что и светские феодалы, а потому были обязаны нести военную службу и платить королю налоги. В подобных условиях архиепископы, епископы и иные носители духовных званий охотно шли на королевскую службу, стремясь занять подобающую им должность в королевской администрации. Как отмечал Д. Тревельян, «вследствие тесной связи, существовавшей между епископством и королевским правительственным чиновничеством, варварская страна была богата одаренными и образованными чиновниками. Благодаря своему епископскому авторитету они имели такое влияние, что могли, действуя в качестве слуг короля, заставить невежественных и грубых баронов подчиняться им» [14, с. 555]. В результате в Англии появился весьма эффективный по тем временам чиновничий аппарат, что сопровождалось неконтролируемым приростом королевской власти и вызвало недовольство феодальной знати. В дальнейшем ей удалось затормозить процесс расширения королевской власти: в 1215 г. король Иоанн Безземельный был вынужден подписать «Великую хартию вольностей», которая положила начало ограничению властных полномочий английской монархии.

В средневековой Европе наиболее совершенной административной организацией обладала Римско-католическая церковь, которая противопоставила феодальному местничеству и партикуляризму универсализм и космополитизм. Будучи единой и централизованной силой, она выгодно отличалась от распыленных и децентрализованных управленческих структур, создаваемых светскими правителями. По мнению Г. Бермана, после папы Григория VII церковь обрела большинство характерных черт государства в его современном понимании. Она объявила себя независимой публичной властью, издавала собственные законы и проводила их в жизнь через свою административную вертикаль, опиралась на собственные судебные учреждения с рациональной системой юриспруденции, а также своих граждан – приверженцев христианской веры, которых облагала налогами в виде десятины. Время от времени она собирала даже собственные армии [15, с. 118]. Наиболее сильной стороной церковной организации было наличие разветвленной системы административной иерархии, охватывающей все западноевропейские страны, а также использование в сфере управления и судопроизводства собственных канонических норм, разработанных на основе римского права. Церковь имела своих юридических экспертов, нотариусов и законовевов, которые готовились в специальных церковных школах и высоко ценились во всех европейских странах. Административная машина церкви была отлажена безукоризненно, а потому не случайно, что именно по ее образу и подобию создавались королевские канцелярии средневековой Европы.

На фоне политической и административной разобщенности Европы выделялось государство, где издавна существовала иерархически организованная бюрократия, подчиненная единой власти. Речь идет о прямой наследнице Римской империи – Византии. «С самого начала все чиновники империи были не частными слугами сеньоров... а представителями публичной власти – «слугами государства» («василевса»): их отзыв, смещение и назначение были актами государственной власти. <...> Основным юридическим правилом, заложенным в фундамент византийской системы организации государственного аппарата, служил принцип всеобщей смежности должностей лиц. Ни занимаемые должности, с высшей до низшей... ни почетные титулы не являлись наследственными. Степень соответствия лица занимаемой им должности определялась личными достоинствами,

верностью василевсу и Романи и неукоснительным исполнением своих обязанностей в соответствии с предписаниями закона. То есть функционирование аппарата предполагало постоянный приток в состав чиновничества свежих сил, постоянное освобождение его от несправившихся или провинившихся служителей государства» [16, с. 178]. В дальнейшем административный опыт Византии стал примером для тех европейских монархов, которые стремились наладить эффективное управление в своих государствах.

К XII в. утвердившаяся в Европе вассально-сеньориальная система управления начала испытывать кризисные явления и клониться к упадку. Иерархические связи зачастую оказывались настолько запутанными, что многие люди пребывали в условиях нескольких властных иерархий. «Находясь между многочисленными сеньорами, церковью и церквями, городами, принцами и королями, средневековые люди, – пишет Ж. Ле Гофф, – не всегда могли понять, от кого в политическом отношении они зависят» [1, с. 94]. Кризис феодальной системы управления требовал ее преобразования, что было осуществлено в последующие столетия с возникновением национальных государств и зарождением торгового капитализма. В основе всех этих процессов лежало истощение ресурсов экстенсивной аграрной экономики традиционного общества и возникновение потребности перехода к хозяйству интенсивного типа, основанному на поступательном инновационном развитии.

В Европе основы капиталистического способа производства стали закладываться уже в последней трети XV в. [17, с. 5]. Именно в это время существенно возрастает производительность труда, усложняются формы его организации, начинают широко использоваться технические нововведения, расширяются торговые связи, ускоряется процесс формирования национальных рынков. Наибольшее развитие товарное производство получило в городах, в которых умножался и накапливался опыт, углублялось разделение труда, вытеснялись иррациональные связи и отношения. Выступая на рынке в качестве производителей и продавцов товаров, а также покупателей сырья, горожане должны были принимать рациональные решения: рассчитывать стоимость сырья и произведенной продукции, учитывать рыночные цены, сроки и объемы реализации товаров, возможное изменение рыночной конъюнктуры и пр. Для этого требовались элементарные знания, практичность мышления, известная сноровка и инициатива. Поэтому далеко не случайно, что именно в среде бюргерства, по мнению М. Вебера, впервые «утвердилась тенденция в сторону *практической* рационализации жизненного поведения». Именно здесь сформировалась «возможность для возникновения этической рациональной регламентации жизни, связанной с техническим и экономическим рационализмом» [10, с. 58, 59].

Необходимым условием и предпосылкой становления рыночных отношений явился также постепенный переход от вассально-сеньориальной структуры властно-управленческих отношений к территориальной. Данное обстоятельство определялось возрастанием силы королевской власти, ставшей символом возникающих европейских наций. В подобных условиях феодальная знать лишилась всякого политического влияния и была вынуждена институционализироваться в качестве привилегированного придворного сословия, что, по мысли Т. Парсонса, стало своеобразным компромиссом между феодальным и территориальными принципами организации [4, с. 57]. Устранение территориальной разобщенности и ликвидация полицентризма властей сопровождалось образованием наций-государств во главе с наследственным правителем, что привело к появлению постоянного чиновничества, способного проводить властную волю монарха в масштабах всего государства.

Европейское чиновничество возникло не на основе вассально-сеньориальной иерархии, а сформировалось из управляющих королевского домена. В период преобладания феодальных отношений король, как и любой другой крупный земельный собственник, для управления своим дворцовым хозяйством и многочисленными имениями создавал собственный штат управляющих, которые одновременно являлись его домашними слугами. Нередко в услужение королю шли его вассалы, принимающие на себя обязанность нести пожизненную королевскую службу. Такие чиновники не имели наследственных должностей. Они назначались и сменялись королем и были от него полностью зависимы. По мере того, как «первый среди равных»

король-сеньор постепенно вырастал в полновластного монарха, его личные управляющие превращались в полноправных королевских чиновников. Однако при этом они сохраняли состояние личной зависимости от монарха и в большинстве случаев продолжали совмещать свои государственные полномочия с придворными обязанностями.

В период феодальной раздробленности монарх в силу нехватки средств не мог позволить себе иметь многочисленное чиновничество. Как один из сеньоров он был вынужден ограничиваться лишь теми податями, которые взимались с королевского домена. Однако с появлением единых государств и введением общенациональных налогов появилась возможность содержать не только наемную армию и богатый королевский двор, но и нанимать большое количество чиновников, с помощью которых родовая знать была оттеснена от всех наиболее значимых рычагов государственного управления. С появлением постоянного чиновничества управление, основанное на принципах вассалитета, стало замещаться управлением, основанным на принципах личной зависимости и простейших формах служебной субординации. Однако традиции вассалитета не канули в вечность. В новых формах и в измененном содержании они были воспроизведены на новом уровне развития общества. Речь идет о том, что договор, лежащий в основе вассально-сеньориальных отношений и фиксирующий права и обязанности сторон как самостоятельных, хотя и не равных по силе агентов, стал своеобразным прецедентом. Со временем найм чиновников также стал происходить на основе соглашений, закрепляющих свободное предложение и принятие услуг.

Первоначально назначение чиновников происходило от случая к случаю в связи с решением тех или иных вопросов и полностью зависело от личных симпатий и антипатий монарха. При этом их полномочия рассматривались как привилегия, которые давались или отбирались по усмотрению их господина. Зачастую они являлись результатом личного соперничества и борьбы за сферы влияния. Четко определенной сферы компетенции чиновников не существовало, как не существовало и разделения их труда. Каждый из них мог выполнять самые разные функции: административные, финансовые, полицейские, судебные и др. За одинаковыми официальными титулами и должностями могли скрываться разные обязанности. Таких чиновников М. Вебер называл «патримониальной бюрократией».

Патримониальные чиновники не обладали профессиональной подготовкой, что компенсировалось их личной преданностью монарху, жизненным опытом и божественным провидением. Исполнение служебных обязанностей носило субъективный характер, преобладала не бюрократическая «беспристрастность», а личная воля должностного лица, его личное отношение к данному просителю и данному делу. Неограниченное личное усмотрение чиновников нередко оборачивалось откровенным произволом. Однако произвол чиновников был лишь отражением того произвола, который допускал правитель в отношении их самих.

Большое значение для утверждения европейской профессиональной бюрократии имела рецепция римского права, которое в период Средневековья было предано забвению. В период феодальной раздробленности судопроизводство велось не на основе единых унифицированных норм, а на основе норм обычного права, укоренившихся обычаев и издавна сложившихся прецедентов, различных для каждой местности. Однако уже с XII в. в обществе стал пробуждаться интерес к римскому праву, которое взамен неясных и спорных вопросов, не находящих своего разрешения в рамках норм обычного права, предложило универсальные правовые нормы, признаваемые всеми. Римское право отвечало потребностям развивающегося товарного хозяйства и максимально благоприятствовало капиталистическому развитию. Данный процесс активно поддерживался и европейскими монархами, для которых наиболее привлекательными были те его положения, которые провозглашали абсолютность и неограниченность королевской власти.

Рецепция римского права, начавшаяся в Северной Италии – в экономически развитых ломбардийских городах-республиках – очень скоро распространилась и на другие европейские государства. Одним из первых его признали императоры Священной Римской империи, которые считали себя преемниками древнеримских императоров. Но наиболее благоприятную почву идеи римского права обрели во Франции, а также в тех романских государствах, где римская правовая традиция не была полностью забыта. В Европе наиболее активными

сторонниками римского права явились легисты, изучившие в университетах, прежде всего в Болонском университете, его основные идеи. Будучи сторонниками централизованной королевской власти, они стремились ограничить полномочия сеньориальных и церковных судов, а также компетенцию органов городского самоуправления. В римском праве они усматривали идеальное выражение вечных и неизблемых истин, обусловленных неизменной природой человека. Просветительская деятельность легистов во многом способствовала утверждению в сфере управления начал безличности и формальной рациональности. По мнению М. Вебера, «главным следствием рецепции римского права было то, что оно приучило к формально-юридическому мышлению» [18, с. 214]. Подобная ситуация позволяет отличить закон «от правительственных распоряжений, которые должны находиться в пределах закона» [9, с. 37].

Рецепция римского права привела к появлению в королевской администрации значительного числа юридически образованных чиновников, которые отныне должны были действовать беспристрастно, соблюдать законы, а также блюсти интересы короля, власть которого признавалась абсолютной и стоящей над законом, им же и созданным. Наметились и определенные изменения в способе замещения должностей: личные связи и происхождение стали постепенно уступать свое место знаниям и компетенции.

Таким образом, уже в период разложения европейских традиционалистских порядков стали появляться первые предюсалики (зарождение рыночной экономики, кризис вассально-сеньориальной системы управления, образование наций-государств, рецепция римского права, расширение практики найма чиновников и др.) для формирования постоянного чиновничества. В дальнейшем оно неуклонно эволюционировало в сторону повышения степени эффективности и рациональности своей деятельности. Важнейшей основой подобной эволюции, как полагал М. Вебер, стала углубляющаяся рационализация всех сфер общественной жизни: экономики, политики, права, управления, науки, культуры и религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. ; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. – М. : Прогресс, 1992. – 376 с.
2. *Гуревич, А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
3. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. ; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.
4. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с нем. ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
5. *Вебер, М.* Социализм. Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918) / М. Вебер // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1991. – № 2. – С. 42–64.
6. История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / редкол.: Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1992. – Т. 2 : Средневековая Европа. – 682 с.
7. *Вильсон, В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон ; под ред. А. С. Яценко ; предисл. М. М. Ковалевского. – М. : В. М. Саблин, 1905. – 735 с.
8. *Ардашев, П. Н.* Абсолютная монархия на Западе / П. Н. Ардашев. – СПб. : Брокгауз-Эфрон, 1902. – 183 с.
9. *Ватъль, В. Н.* Государство и государственность. История, теория, практика : избранные труды / В. Н. Ватъль. – Гродно : ГРГУ им. Я. Купалы, 2014. – 375 с.
10. *Вебер, М.* Хозяйственная этика мировых религий / М. Вебер // Избранное. Образ общества / пер. с нем. ; редкол. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург (отв. ред.) [и др.]. – М. : Юрист, 1994. – С. 43–77.
11. *Тойнби, А. Дж.* Постыжение истории : сборник / А. Дж. Тойнби ; сост. А. П. Огурцов. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
12. *Вебер, М.* Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–706.
13. *Блок, М.* Апология истории или ремесло историка / М. Блок ; пер. Е. М. Лысенко ; примеч. А. Я. Гуревича. – М. : Наука, 1973. – 236 с.
14. *Тревестьян, Д. М.* Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Д. М. Тревестьян ; пер. с англ. ; под ред. и с предисл. В. Ф. Семенова. – М. : Иностр. лит., 1959. – 608 с.
15. *Берман, Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ ; ИНФРА-НОРМА, 1998. – 624 с.

16. Литаврин, Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. / Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1977. – 345 с.

17. История Европы с древнейших времен до наших дней : в 8 т. / редкол.: Л. Т. Мильская, В. И. Ругенбург (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1993. – Т. 3 : От средневековья к новому времени (конц XV – первая половина XVII в.). – 656 с.

18. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер ; пер. с нем. ; под ред. И. М. Гревса. – Петроград : Наука и школа, 1923. – 240 с.

Поступила в редакцию 17.01.17.

"Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science"

Vol. 9, No. 1, 2017, pp. 118–127

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2017

Imperious and administrative organization of the medieval society and prerequisites for the formation of the European officials

S. B. Lugvin¹, A. Yu. Savenko²

¹ *Sukhoi State Technical University of Gomel (Belarus)*

Oktiabria Ave., 48, 246746, Gomel, Belarus; e-mail: lugvinsergcy@rambler.ru

² *Sukhoi State Technical University of Gomel (Belarus)*

Oktiabria Ave., 48, 246746, Gomel, Belarus; e-mail: savenko@gstu.by

Abstract. The research object is socio-political system of the European medieval society and processes of its decomposition during the formation of nation-states. The purpose of the article is the analysis of institutional genesis of the European officials in the context of existence and decline of the imperious and administrative organization of the medieval society. In domestic literature this problem has not received the satisfactory decision yet. In the main part of article the following lines of the European Middle Ages are considered: domination of sacralized tradition, local dissociation of the social relations, prevalence of corporate and personal interrelations. These lines in many respects define features of its imperious and administrative organization: extreme extent of decentralization of the political power, connection of land property and power, contractual nature of vassal-seigniorial relations. In the research also some advanced models of medieval administrative practice are considered: usage of clergymen in the management sphere, system of the organization of the power and management in the Roman Catholic Church, and also in the Byzantine empire. Further in the article the situation of decline of traditionalist orders which is shown in crisis of vassal-seigniorial control systems, emergence of commodity production and appearance of the nation-states is characterized. The considerable attention is paid to the analysis of processes of origin of the European officials. Its such lines as lack of special preparation, uncertainty of powers, dependence on the monarch, prevalence of a personal discretion in management are described. In the work it is noted that positive impact on activity of officials was exerted by reception of Roman law. It promoted the statement of the beginnings of impersonality and formal rationality in the sphere of management. In the conclusion of the article it is drawn that during decomposition of the European traditionalism there was a number of prerequisites (origin of market economy, crisis of vassal-seigniorial control systems, formation of the nation-states, reception of Roman law, expansion of practice of officials hiring, etc.) which favored an approval of the constant officials drawn towards model of "rational bureaucracy" of M. Weber. The article can be useful to scientists, teachers, post-graduate students and students.

Keywords: medieval society, vassal relations, clergymen, nation-states, patrimonial bureaucracy, Roman law.

References

1. Le Goff Zh. Civilization of the medieval West [*Tsivilizatsija srednevekovogo Zapada*]; transl. from fr.; Ed. Yu. L. Bessmertny. Moscow, 1992, 376 p.

2. Gurevich A. Ya. Medieval world: culture of the keeping silence majority [*Srednekovyi mir: kul'tura bezmolstvuiushchego bol'shinstva*]. Moscow, 1990, 396 p.

3. Fromm E. Escape from freedom [*Begstvo ot svobody*]; transl. from engl.; Ed. P. S. Gurevich. Moscow, 1989, 272 p.

4. Parsons T. System of modern societies [*Sistema sovremennykh obshchestv*]; transl. from germ.; Ed. M. S. Kovaleva. Moscow, 1998, 270 p.

5. Weber M. Socialism. The speech for the general information of the Austrian officers in Vienna (1918)

[*Sotsializm. Rech' dlia obshchei informatsii avstriiskikh ofitserov v Vene (1918)*]. Moscow University Bulletin. Series 12. Social and Political Studies, 1991, No. 2, pp. 42-64.

6. The history of Europe from ancient times to the present day : in 2 vol. Vol. 2 : Medieval Europe [*Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* : v 2 t. T. 2 : *Srednevekovaiia Evropa*]; ed. board: E. V. Gutnova, Z. V. Udashova (ex. Ed.) [et al.]. Moscow, 1992, 682 p.

7. Wilson V. State. The Past and the present of the constitutional institutions [*Gosudarstvo. Proshloe i nastoiashchee konstitutsionnykh uchrezhdenii*]; Ed. A. S. Yashchenko. Moscow, 1905, 735 p.

8. Ardashhev P. N. Absolute monarchy in the West [*Absoliutnaia monarkhiia na Zapade*]. St. Petersburg, 1902, 183 p.

9. Vaty1 V. N. State and statehood. History, theory, practice [*Gosudarstvo i gosudarstvennost' . Istoriia, teoriia, praktika : izbrannye trudy*]. Grodno, 2014, 375 p.

10. Weber M. Economic ethics of world religions [*Khoziaistvennaia etika mirovykh religii*]. Favourites. Image of society [*Izbrannoe. Obraz obshchestva*]; transl. from germ.; ed. board: L. T. Milskaia, V. I. Rutenburg (ex. Ed.) [et al.]. Moscow, 1994, pp. 43-77.

11. Toynbee A. J. Comprehension of history [*Postizhenie istorii : sbornik*]; comp. A. P. Ogurtsov. Moscow, 1991, 736 p.

12. Weber M. Politics as a vocation [*Politika kak prizvanie i professiia*]. Selected Works [*Izbrannye proizvedeniia*]; transl. from germ.; comp., Ed. and afterword Yu. N. Davydov; foreword P. P. Gaidenko. Moscow, 1990, pp. 644-706.

13. Blok M. Apology of history or craft of the historian [*Apologiia istorii ili remeslo istorika*]; transl. E. M. Lysenko. Moscow, 1973, 236 p.

14. Trevelyan D. M. Social history of England. The review of six centuries from Chaucer to the Queen Victoria [*Sotsial'naia istoriia Anglii. Obzor shesti stoletii ot Chosera do korolevy Viktorii*]; transl. from engl.; Ed. and foreword V. F. Semenov. Moscow, 1959, 608 p.

15. Berman G. J. The western tradition of law: the era of formation [*Zapadnaia traditsiia prava: epokha formirovaniia*]; transl. from engl.; Moscow, 1998, 624 p.

16. Litavrin, G. G. The Byzantine society and the state in the 10th-11th centuries [*Vizantiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v X-XI vv.*]. Moscow, 1977, 345 p.

17. The history of Europe from ancient times to the present day : in 8 vol. Vol. 3 : From the middle ages to modern time (the end of the 15th - the first half of the 17th century) [*Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* : v 8 t. T. 3 : *Ot srednevekov'ia k novomu vremeni (konets XV - pervaiia polovina XVII vv.)*]; ed. board: L. T. Milskaia, V. I. Rutenburg (ex. Ed.) [et al.]. Moscow, 1993, 656 p.

18. Weber M. The history of farming. Essay on universal social and economic history [*Istoriia khoziaistva. Ocherk vseobshchei sotsial'noi i ekonomicheskoi istorii*]. transl. from germ.; Ed. I. M. Grevs. Petrograd, 1923, 240 p.